

Сергей Прокопьев
САГА О ТАКСИСТЕ

16+

Сергей Николаевич Прокопьев

Сага о таксисте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50937486

SelfPub; 2020

Аннотация

Время летит стремительно, эта повесть, написанная десять лет назад, в чём-то историческая. В те времена в Омске лишь набирали обороты таксофирмы. Сейчас кажется диким, не было навигаторов, хороший таксист знал закоулки города на память, неопытный – искал улицы по карте. В ходу были рации. Диспетчер не называл клиенту стоимость поездки. Имелись нюансы, однако с тех пор клиенты не стали культурнее, вежливее. Никуда не делись истеричные женщины, хамоватые пассажиры, наркоманы, криминальные типы. Герой повести, в прошлом научный работник, начинает таксовать в пятьдесят лет, человек основательный, быстро становится асом в новой сфере деятельности. Крутя баранку, рассказывает читателю о превратностях судьбы, клиентах, о нелёгком хлебе таксиста, тонкостях профессии...

Содержание

От инфаркта до такси	5
Не можешь пить – не мучай печень	13
Вип-стервоза	20
Томсики	27
Урыть уroda	33
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Глиняные сосуды испытываются в печи, а испытание человека в разговоре его. Уход за деревом открывается в плоде его, так в слове – помышление сердца человеческого.

Книга Премудростей Иисуса, сына Сирахова.

Гл. 27, ст. 5–6

От инфаркта до такси

После гражданской войны блестящие русские офицеры, герои Первой мировой войны, георгиевские кавалеры, интеллигенты до мозга костей крутили баранки парижских такси. Из семнадцати тысяч парижских таксистов две тысячи водителей были русскими. Парижане говорили, что у русско-го таксиста в машине можно забыть даже мешок с драгоценностями – вернёт. Нищие русские чужого не брали.

Я всего лишь советский инженер в прошлом, таксую не в Париже, а далеко-далеко от Европы. Хотя существует анекдот:

– Где такую обалденную кофточку купила?

– В Париже.

– Это далеко от нас?

– Четыре тысячи километров.

– Надо же, такая глушь, и такие кофточки продают.

В четырёх тысячах километров от той «глуши» с Эйфелевой башней посредине накручиваю километры на кардан. Сены с Елисейскими полями в Омске нет, но омичи тоже любят с комфортом перемещаться в пространстве. В этом сервисе и служу.

Как-то вёз священника, разговорились, на мой рассказ о судьбе инженера изрёк: «Пути Господни неисповедимы». Батюшка тоже не с молодых ногтей на духовной стезе, два-

дцать лет работал в проектно́м институте. Что «неисповеди-мы» – точно: я в Казани, будучи студентом плюс молоды́м отцом, латал финансовые дыры семьи мытьём в таксопарке машин по ночам. Таксист Кузьмич, в приличном возрасте мужчина, однажды подвёз меня утром из таксопарка и отмахнулся от денег:

– Сынок, глядишь, когда и ты меня на халяву на такси подбросишь.

Я хихикнул, а получилось: зря зарекался от таксования.

Мысль о такси, как ни странно, мелькнула, когда с инфарктом в больницу загремел. Вытащили меня с того света. Создатель решил: рано Илье Петровичу отрываться от земной юдоли. Отвалялся в реанимации, а в палате интенсивной терапии познакомился с Колей-афганцем. Таксистом. От него впервые услышал, что да как в этом бизнесе. Не буду греха таить, как-то выпили мы с Колей по сто граммов тайком от медицины, он и порассказывал.

Пили сердечники-инфарктники и пережившие приступ стенокардии – как это ни странно, не только лекарства. Водку в больнице, само собой, не продают, но киоск аптечный с народным коньяком «Настойка боярышника» с раннего утра двери открывал. Было чем настроение поднять, сосуды расширить, почувствовать вкус к жизни. Тем паче – настойка специально для сердечников производится. До перепоя доходило. Один в палате, было дело, похмельем маялся, тошнило с утра.

Кстати, Коля-афганец отколол однажды номер с чёрным юмором. В нашей палате лежал вечный больной – Александр Карлович. Раз сто умирал. Как выписываться подходит пора – у него реанимация, приступ с уколами, капельницами, медицинской беготнёй.

Пациенты в палате поменялись на несколько рядов, ветеран Карлыч никак не вырвется на волю. При мне доктор назначил Карлычу очередную выписку. Осталось болезному ночь переспать – наутро домой. Карлыч счастливый, руки потирает:

– Завтра на родном диванчике полежу, в любимом кресле посижу, любимый телек погляжу.

На его беду за пару дней до этого привезли по «скорой» Колю-афганца. Война не мать родна, если ты с автоматом воюешь. У Коли крыша с отъездом стала после боёв с моджахедами. В реанимации полежал, очухался, его к нам, в палату интенсивной терапии, привезли. И вот пополам ночи Карлыч просыпается. Как сам говорил:

– К шестидесяти у меня собачья болезнь открылась. Посреди ночи вынырываю из сна и не знаю, как обратно себя загнать.

Проснулся, видит: Коля-афганец руками шарит по стенке. Карлычу затаиться бы, а он, сердобольная душа, возьми и скажи товарищу по палате:

– Коля, выключатель в коридоре.

Коля не придурком при штабе или в музыкальной роте

на барабанах, он в разведке воевал. Молниеносная реакция. На информацию о местонахождении выключателя хватается подушку, Карлычу на лицо и ну профессионально душить. Много ли деду с сердцем после инфаркта надо. Я проснулся за минуту до перехода Карлыча в новое качество и стал орать, звать на помощь сестру. Набежала медицина, Коле укол, Карлыча откачивать.

Наутро Коля просыпается. За окном июльское солнышко после дождика светит, птички чирикают на свежем воздухе. Прелесть. Но глядь в угол палаты, что за непонятки? Карлыч под капельницей. Коля подходит:

– Карлыч, ты зачем не дома? С юбилеем жену не поздравляешь?

Заспал разведчик прискорбный факт, ночью, что называется, по своим ударил – Карлыча душил почём зря.

С фронтовиками не знаешь, что будет через пять минут. Забегу вперёд хронологии. Пацана с колеса сажу, это значит: не по заказу беру, а попутно. Двое маячат с бордюра. Ехать одному. Садится, поехали, я говорю:

– Дело к ночи, давай рассчитаемся сразу.

Пассажир мой в позу:

– Я не рассчитаюсь сначала.

– Почему?

– Денег дам, а вы интерес ко мне потеряете и выпнете из машины.

В первый раз поворот с такой логикой. Думаю, ладно до

Лизы Чайкиной доведу, а там вопрос ребром. В Чкаловский ехали. На Лизу повернули, я снова вопрос о расчёте завожу.

– Нет, вы меня выкинете

– Да как я тебя выкину?

– Деньги заберёте и вытолкнете, а я из деревни, города не знаю. Приедем на место, дом найдём, там денег дам.

Ну, чё тут скажешь? Оказалось, парень воевал в первую чеченскую. С нервами не в порядке. Пока ехал, вспоминал о боях, рубашку на себе стал рвать. Но заплатил двести рублей. А я просил, когда договаривались, сто двадцать.

С корабля на бал – это про инфаркт Карлыча. С одним нюансом, Карлыч так спешил на бал, что угодил в реанимацию. У Карлыча миллион болезней, заслуженный инвалид энной группы. В тот приснопамятный день был юбилей его жены, а Карлыч по принципу «с одной задницей на два базара» до застолья полетел подтвердить инвалидность и связанные с ней льготы – бесплатный проезд, дармовое лекарство, льготы по квартплате... На бегу рассчитывал пройти врачей, а потом с чувством выполненного долга поднять рюмку за любимую и единственную супругу. Заскочил кардиограмму снять. Лёг, торопит медицину: быстрее – юбилей у жены, гости на гулянку сходятся, а у меня ещё ни в одном глазу. Кардиограмму с Карлыча сняли и тут же упаковали беднягу в реанимацию. Он в бутылку:

– Что за произвол? Буду жаловаться!

А ему командуют: лежать и не дрыгаться.

Инфаркт в день юбилея жены набегал. Обширный. Прощай гулянка. И в больнице несколько раз доходил до выписки, и всякий раз, то один затык, то другой, то Коля-афганец придушил.

Жизнь штука такая: тут тебя инфаркт приголубил – пять минут до ящика с кружевами, а здесь комедия. Я лежал на койке, где до этого крутой мэн в себя приходил. Чуть больше тридцати, а садануло инфарктом. Чуток околемался, замаячивший было ящик с кружевной отделкой, исчез с горизонта. Сердце, хоть и прострелено инфарктом, да работает, пусть не до парной с прекрасным полом, но скучно тарашиться без дела в больничные стены и потолок, затребовал у жены телевизор и DVD-плеер. Жена послушная спутница жизни, принесла аппаратуру с коробкой дисков. И не боевики со стрельбой и битьём ногами по головам. Заветный набор порнухи затребовал больной. Палата у нас метров двадцать пять квадратных. С одной стороны четыре койки, с другой столько же, середина пустая. В общем коридоре столовая находится, в ней длинные столы и лавки. Лавки стаскивали вечером в нашу палату, и сердечники сходились порнуху смотреть. Как известно, инфаркт и стенокардия недуги, что, прежде всего, мужиков косят. Набивалось нашего брата выше крыши – свободных мест не было. Тишина в отделении воцарялась до самого отбоя. Даже будто бы кардиограммы улучшались после возбуждательного кино...

Как-то еду поздно вечером на Московку. Диспетчер адрес

назвала и говорит: «У клиента на сотовом батарейка садится, адрес успела на издыхании прокричать. Приедешь – по домофону предупреди её». Подъезжаю, набираю квартиру, из домофона вопрос женским голосом:

– Кто?

Решил приколоться, вспоминая фильм «Бриллиантовая рука»:

– Такси на Дубровку заказывали?

В ответ радостно:

– Илюша, это ты?

– А як же! – с энтузиазмом отвечаю.

Она отключилась. Откуда, думаю, меня знает? Может, диспетчер сказала? Стою, жду. Пять минут – нет, десять – нет, двадцать... Начинаю икру метать. Передумала что ли? Так всё хорошо начиналось. Наконец, выходит. Солидная дама, лет сорока пяти. В шляпе меховой. И серьёзная, не подступись. Ладно – детей с ней не крестить, не нянчить. Едем молча, потом говорит:

– Ваша шутка про Дубровку была крайне неуместной!

– Почему?

– Я думала: это хулиганы-наркоманы. Они шапки срывают.

– А откуда вы узнали, что я Илья?

– Извините, обозналась. Так друга моего зовут, но «як же» не из его лексикона, хохлов не любит.

При расчёте взгляделся, что-то знакомое. Вышла: ба, да это

же наш врач из кардиологии. В белом халате сразу признал бы, а тут... Но догонять, обниматься не стал. Я бунт в палате устроил. Заявил ультиматум:

– Не буду на судно ходить. Хоть убейте.

Она принялась убеждать:

– Вы можете умереть! У вас серьезнейший инфаркт!

Жена о том же, пыталась памперсы всучить. Я ни в какую. Лечащий врач устала биться, потребовала написать на имя главврача расписку, что я никого не виню в случае смерти на унитазе. Следом вся палата подхватила мой протест, сдала расписки... На каталке везут тебя до дверей туалета, дальше сам. Сейчас понимаю: риск был второй инфаркт схлопотать и бесславно скончаться (как великая императрица Екатерина II) на стульчаке, но не мог принародно в палате нужду справлять.

Не можешь пить – не мучай печень

Год после инфаркта миновал, не в инвалиды же записываться мужику в пятьдесят лет, чтобы на лавочке празднично семечки лузгать. Семейный бизнес у нас с супругой: на оптовой ярмарке три контейнера, продтоварами торгуем. Жена после моего инфаркта всё взяла на себя, я только под ногами мешаюсь, а без дела сидеть не в моей натуре. Встаёт вопрос: что я могу? Профессия инженера за пятнадцать лет, как уволился, престижнее по деньгам не стала. И мозги уже не той смазки. А что если попробовать таксистом? В конце концов, что такое жизнь? Познание себя, окружающего мира. Можно идти вглубь, сосредоточившись на одном, а можно вширь. Сегодня ты инженер, завтра дворник, потом управдом. При социализме и по молодости нас как учили: рост – это инженер, ведущий инженер, главный конструктор, академик. Но интересна жизнь и в ширину. Мысль эту заронил в послеинфарктной палате сосед. Жекой звали. Старше меня. После физкультурного института работал тренером по гимнастике в Москве. Денег не хватало, устроился сторожем. И приистрастился вязать крючком. Мужик-то талантливый. Такой эксклюзив своим крючком творством плёл – в Европе выставлялся на международных выставках. Показывал фотографии – изумительные работы. Платки, скатерти. Шляпы. Чёрная женская шляпа с высокой тульей, а по полям и низу тульи

красные объёмные розы, каждый лепесток вывязан. Свадебное фото дочери достал.

– Как?» – спрашивает.

– Красивая, – говорю, – пара!

– Да не о том речь, ты на платье посмотри!

Оказывается, Жекой вязаное. Два года преподавал вязание. Потом серьёзно увлёкся фотографией. Да так быстро вошёл в профессию, работал фотокорреспондентом в городской газете, устраивал выставки. Но опять финт делает – начал осваивать шахматы. В газете был круг возрастных сотрудников, повёрнутых на шахматах. Гроссмейстером Жека не стал, но бросил газету, преподаёт в детской спортивной школе. Обо всём с азартом рассказывает. Везде ему интересно. Жека и подсказал: не обязательно расти от инженера к старшему инженеру и так далее. Можно – сегодня инженер, потом кочегар, пекарь. Это тоже интересно, тоже имеет место быть.

Вспомнил я Жеку, вспомнил Колю-афганца, вспомнил Кузьмича, его: «Сынок, глядишь, когда-нибудь ты меня на халяву на такси подвезёшь» – и устроился в таксофирму «Темп».

Кузьмича пока не встретил, но одного из той жизни подвозил. Тесен мир, как мешок с сахаром. Идёт вызов в Амурский посёлок. Садится средней степени выпивший мужик лет шестидесяти пяти:

– До вокзала.

И начал:

– Да я сам пятнадцать лет в такси отработал в Казани.

Я возьми и спроси:

– Таксопарк в Соцгороде?

– Откуда ты знаешь?

– Я, – говорю, – ходил к вам машины мыть.

В 1974 году, когда я ходил в их таксопарк, он работал там бригадиром. У меня как получилось. В институте женился, дочь родилась, закончилась вольница, когда сам себе барин: поел хорошо, нет денег – можно сесть на нищенский паёк до стипендии. Семья требует финансовой сосредоточенности. Пошёл ночным заправщиком в аэропорт. Работа не пыльная. На заправщике перемещаешься от одного воздушного судна к другому. Подъехали, бросаешь колодки под колёса машины, на крыло лезешь или снизу штуцер подсоединяешь, как пожарный шланг, и даёшь пол-оборота. Второй вариант, когда с земли шланг стыкуешь, требовал повышенного внимания: не докрутил – получи порцию керосина. А он ядовитый, не зря к вредникам относились, кто с ним профессионально работал. Нам, конечно, не доплачивали за это, вообще, скромные деньги там зарабатывал. Как-то под утро еду из аэропорта на такси, разговорился с водителем за жизнь, как раз в ту ночь керосином обдало, в глаз попало, таксист и посоветовал:

– Брось ты эту вонючую ерунду, иди к нам в парк машины мыть, никакого яда.

Почему не попробовать. Пошёл. В таксопарке имелись штатные мойщики. Те редко опускались до профессиональных функций. Запало тряпку в руки брать, когда можно с картишками ночь скоротать. Но доход шёл. В кирпичной стене бокса было выбито несколько кирпичей, в нишу ставились две-три бутылки водки, картонкой схрон закрывался. Прибегаёт страждущий выпить, местный таксопарковский или с улицы (ночью в семидесятые годы где было взять? Рестораны и те в двадцать три ноль-ноль закрывались) – даёт деньги. Ему укажут рукой:

– А возьми за картонкой.

Полная конспирация. Водку за двойную цену продавали. И не один ящик горячительного продукта за ночь уходил. Вот и навар. Зачем ему тряпкой елозить? А машины мыли пришлые. Такса была: пятьдесят копеек без мотора, рубль – с мотором. Если учесть, что стипендия у меня сорок пять рублей, не так плохо за ночь червонец-полтора заработать.

Прихожу первый раз в таксопарк, что в Соцгороде. Соцгород – авиационное сердце Казани: 22-й авиазавод, 16-й авиадвигательный и 7-й вертолётный тоже рядом с Соцгородом. Это всё информационная лирика из моего авиационного прошлого, я ведь Казанский авиационный институт окончил. А в тот вечер был сосредоточен на земных проблемах. Шланг в одной руке, ведро в другой. Ночной бригадир увидел:

– Мыть?

– Да, но студент, ни разу...

– Срочно вставай, – перебил мой лепет...

Попал я в авральный день. Одни мойщики не пришли, другие пьяные, вереница грязных машин, а им в ночную смену уходить. И нас на мойке всего-навсего я да ещё один парнишка. Для скорости вдвоём машину обрабатывали. Каждый по своему борту. Темп дикий. Напарнику не впервой, футболку шиворот-навыворот надел и хоть бы что, а мне швы тело дико натёрли... Скорость бешеная – машину вымоешь, и нет времени деньги, что заработал, в карман положить: следующее такси подходит, и за ним вереница. Швырнёшь деньги в угол... Вдруг бригадир приходит, морда разбитая, пьяный в стельку и закурить просит. А я отмахнулся от него:

– Видишь, некогда.

Он в бутылку полез:

– Ах ты, скотина неблагодарная, я тебя поставил!

На этом всплеске эмоций силы у него иссякли, ноги поехали и он со всего маху физиономией своей блинообразной бьётся о багажник «Волги»... Кровища... Я растерялся... Думаю: всё – конец карьере мойщика, сейчас попрут... Но приходит более старший начальник.

– Связать дурака и спрятать! – приказал. – Не можешь пить, не мучай печень!

Такая проза. Четырнадцать рублей в тот день огрёб. После чего два-три раза в неделю стал ходить в таксопарк, пока

на преддипломную практику в Омск не уехал. Похоже, того самого придурковатого бригадира подвозил в Омске до вокзала. Тоже курглолицый. Забыл про Кузьмича его спросить.

И в Омске, как рождался ребёнок, жена шла в декретный, мы садились на финансовую мель, я шёл мыть машины. Вторая дочь девятого июня родилась, а я загодя – первого – двинул в таксопарк. И пока жена не вышла на работу – мыл. С рождением сына картина повторилась: достал с антресолей шланг...

В Казани было цивилизованно: ночной бригадир собирал с пришлых мойщиков по рублю и уносил механику. В Омске в пятом автопарке не собирали, но как-то кинулся, нет шланга. Подхожу к технику:

– Не видел?

– Чёрный, красной изоляцией посередине обмотанный?

– Да.

– Дай рубль, скажу.

Такие приколы. Случались приятные моменты. Коврик в машине поднимаешь, а там пять рублей лежит, или хотя бы двадцать копеек. Такие вещи встречались сплошь и рядом. Мелочь в машине у пассажиров нередко из карманов высыпалась...

Атмосфера, конечно, в таксопарке не из приятных. Как-то приходит техник, а тут на два штатных мойщика шестеро чужих. В Омске, в отличие от Казани, штатные мойщики тоже мыли. Техник пьяный, хватает моё ведро и через весь

зал кидает:

– Ты, баран, нет, чтобы учиться, специальность получать, ходишь тут попрошайничаешь. Вот я – выучился, человеком стал. Иди, баран, учись, не будь побирушкой!

Так сказать, провёл воспитательную работу.

Вип-стервоза

Позывной у меня «семь ноль восемь», машина «Жигули» – «девятка».

Как-то по-первости слышу, диспетчер кому-то говорит:
– Космоса отвезёшь?

Что за космос для перевозок? Я ведь сам в КБ космическими аппаратами занимался. Оказывается, Космос – профессор технического университета. Он специализировался на системах управления. Свято верил, что мы в космосе американцев опередим и победим. Моего главного конструктора хорошо знал. Но в голове уже аномалии... Мог перепутать номер дома с номером квартиры. Жил на 5-й Армии. А дочь его на Иртышской набережной. Едет к ней, просит подвезти к 21-му дому. Подвожу. Он:

– Не к этому.

– Как не к этому, 21-й просили, вот он.

Оказывается, это квартира у дочери 21-я, а дом-то у неё под номером 19. Но бывало ещё веселее. Раз по сотовому вызывает машину на 5-ю Армию, в университет собрался ехать. Подъезжаю, жду. Звоню диспетчеру. Та недовольным голосом

– Дед у подъезда все сопли отморозил! Где ты?

Я-то как раз у подъезда, но его не вижу ни с соплями, ни без. Наконец выясняется: он у подъезда на Иртышской набе-

режной околеваает. Перепутал Космос, что у дочери ночевал, а не у себя дома. Хороший дед...

Какие только клиенты не попадаются, но за всю таксистскую практику лишь однажды столкнулся с фактом, когда водитель остановился посреди дороги и кричал диспетчеру:

– Я её не повезу дальше! Она плохо говорит о водителях! Обзывает нас лохами и козлами!

Тут же подали другую машину. Это была Елена Петровна – VIP-клиентка. Приходилось мне много раз возить Елену Петровну. Чуть больше тридцати, хорошо сложена. Выше среднего роста, ухоженное лицо, мощные, красивой линии бёдра, талия, аккуратный живот. Фигуру описываю без привлечения фантазии: видел в натуральном образе – без тряпочной драпировки. Однажды из VIP-бани забирал. Вышла на крыльцо в бикини покурить, скомандовала:

– Подождёшь!

Имела свой бизнес, как часть его – мастерская индпошива для богатой клиентуры. Крутая закройщица имелась в штате. Сама Елена Петровна институт сервиса окончила. Вертинского узнавала с двух тактов. У меня таких клиентов было человека три. Бритни Спирс – определяла сразу. Знает Булгакова не по кино, Хемингуэя. Стихи Бунина может процитировать. Развитая баба. С вышесредним интеллектом. Муж, ребёнок, мать активный предприниматель – недвижимостью занимается. Наша таксофирма «Темп» арендовала у неё офис первое время, как на ноги вставала.

Елена Петровна умела доводить таксистов до белого каления...

Впервые вёз её, когда только начинал работать. Всего боялся. У неё была десятая поездка, то бишь – двадцать пять процентов скидки. Диспетчер говорит:

– Каналом выше переключись.

Значит, хочет что-то «на ушко сказать», незачем другим водителям слушать. Объясняет мне, что с Елены Петровны надо пыль сдувать, за простой не брать, ни в коем случае не грубить. Ладно. Садится Елена Петровна и начинается... Зигзаги по центру: «заедь туда», «стой и жди здесь», «заедь сюда»... Берём ещё двух баб, подруг её, везу в конец Нефтяников в баню. Разговор у них такого содержания: в наше трахательное время вокруг лох на лохе сидит, лохом рулит, их надо трахать в экономическом смысле как только можно. Дебилы сплошные, на них так хорошо делать бабки. Елена Петровна сидит рядом со мной. Звонок по сотовому. И начинает говорить на итальянском. Тут же набирает номер и давай шпарить по-английски. Моих скромных познаний английского (учил в школе, институте и кандидатский минимум сдавал) хватило понять: она выговаривала иностранному партнёру, дескать, вы прислали сумасшедший прайс, подъём от итальянского ценника двести процентов. О тканях шла речь.

Приезжаем к бане. Спрашивает с ехидцей:

– Ну, и сколько с меня?

– Сто двадцать, – говорю. – Проехали тридцать два километра, у вас бонус сорок рублей, в итоге сто двадцать.

Она:

– Не забивайте мне мозги, у вас есть калькулятор?

Даю.

– Сколько было, когда я села, на спидометре? – спрашивает.

– Ноль, – говорю. – У меня обнуляющий спидометр. Когда отъехали, я обнулил, поставил на ноль.

– Не умничайте, я понимаю! Сколько сейчас?

Повторяю спокойным голосом:

– Тридцать два километра.

Вижу: не въезжает, но пытается щёлкать на калькуляторе.

Опять:

– Сколько было, когда поехали?

Терпеливо повторяю снова:

– Ноль, а когда приехали – тридцать два, их надо умножить на пять рублей, в результате будет сто шестьдесят, минус сорок бонусных, в оконцовке – сто двадцать с вас.

Она:

– Вы мне все мозги засрали! Ста рублей вам выше крыши хватит!

Суёт столычник. И тут я сорвался с катушек. Поворачиваюсь и говорю:

– Мадам, вы у меня двадцатая клиентка за день. Двадцатых вожу бесплатно! Возьмите свои кровью заработанные

сто рублей и уматывайте!

Она не просекла моего взрыва.

– Нет, вы заработали, – бросает сотку и выходит.

Я отъехал, встал, меня колотит. Докладываю диспетчеру, что съехал с рельс. Та в кипеш:

– Как ты мог Елене Петровне нагрубить?!

– Да нет, – говорю, – всё было пристойно.

Через два дня отказался к ней на вызов ехать. Думаю: не буду возить. На фиг ещё один инфаркт зарабатывать. Но потом стал ездить за ней. Мне показалось, она зауважала меня по-своему. С бабами своими позволяла расслабляться у меня в машине, переходить на мат. Со мной держалась корректно. Тогда как наши пацаны жаловались: для неё знаки дорожные по боку. Одностороннее движение, но чтобы кругалия не давать при выезде, командует:

– Давай по Декабристов!

То есть, гони против шерсти. Налево, к примеру, нет поворота, она требует:

– Нет, поедешь здесь!

С водилами разговаривала на уровне «пошёл вон!», со мной с некоторым уважением. Отказываюсь за простой брать, как диспетчер всегда наказывает, когда к ней посылает, Елена Петровна в свою очередь:

– Нет-нет возьмите, вы долго ждали, тратили на меня время!

О чаевых речь не шла, но за простой рассчитывалась.

Такая барынька. Пришёл в нашу фирму менеджер, до этого в «Такси-экспресс» работал. Везу его, разговорились о клиентах.

– Была, – жалуется, – одна стерва, достала всех таксистов. Обматерить, это как «здрасьте», грязью обложить, как «до свиданья». Ничего не стоило молодого парня сопляком, молокососом обозвать. Никто не хотел к ней ехать.

Рассказывает, а меня подмывает адрес назвать. Закончил, я называю:

– Учебная...

– Точно! А ты откуда знаешь?

До нашей фирмы Елена Петровна им все печёнки проела.

С год мы её возили, затем, слышал, начала пить кровь у «Семёрочки»... Туда перешла...

Иногда бывает, сразу обрубишь наглость. Двое сели, один крутой до последнего мизинца. Штаны кожаные. Нижняя губа оттопыренная.

– Подкинь-ка, – упал рядом со мной, – к Детскому миру за долларчиками. Сколько будет в один конец?

Ехать недалеко.

– Сорок, – говорю. У нас тогда минимум сорок был. Он, выёживаясь:

– А за тридцать можно?

А у самого сотовый, как молодёжь говорила, с приبلудами и наворотами, на экране куча порнографических заставок. Я таких аппаратов вообще не видел.

- По нищете, – говорю, – вообще бесплатно вожу. Пойдёт?
Он ступевался:
- Ладно, чё ты как не родной, пошутил я.

Томсики

Женщины-клиентки – особая статья. Летом садится одна штучка-дрычка. Пацанка лет восемнадцати. На заднее сиденье плюхнулась. Не успели тронуться, сунулась ко мне:

– Можно разденусь?

Конец июня, жара несусветная. Кондиционера в моей «девятке» само собой нет.

Я не успел среагировать на её вопрос, она уже футболку.

– Уф, – титьками потрясла, – хорошо. Кожа дышит.

Без лифчика, надо сказать, «дышит».

– Дальше, – говорю, – не будешь раздеваться для дыхания остальной кожи?

– Не, – хохочет, – вдруг вашу жену встретим.

– Ты что, думаешь, твой голосистый вид у неё вызовет восторг?

Она в первые секунды не поняла юмора, а потом давай хохотать.

– Ну, вы сказанули – «голосистые»!

И тут же пококетничала:

– А чё, мои “голосистые” ничего выглядят?

– Вполне, – говорю, – хоть картину банного антуража пиши. С веником и тазом.

– Не, – говорит, – в баню сейчас не хочу, без того жарко, на Иртыш бы, да некогда.

Футболку на спинку переднего сиденья аккуратно разложила, чтоб не помялась. Едем...

По осени вызов к ресторану, беру двух женщин. В районе сорока. Обе-две ладные, тоже голосистые, за пазухами полно добра. И весёлые – хорошо за ужином загрузились. Спрашиваю:

– Куда едем, сударыни?

Они хохочут:

– Мы не сударыни, мы – Томсики.

И одну, и другую Тамарой зовут.

– Тогда, – представляюсь, – я – Илюшик.

Познакомились. Я в тот день купил диск Виноградова – романсы. Одна из Томсиков командует:

– Вырубай, сами петь будем!

Затянула на пару с подругой: «Не уходи, побудь со мною...» Я даже подпевал. Но что значит женщины. Гульки гульками, песни песнями, да как после праздника плоховатисто – не забывают. Побайвались Томсики похмельного «утра туманного, утра седого».

– Притормози, – просят, – у какой-нибудь аптеки.

Активированным углем собирались запастись и корвалолом. А на дворе уже не детское время. Повёз по дежурным аптекам. Поздно, часов одиннадцать. В первую аптеку одна Томсик сама пошла, но по синусоиде. Корвалол купила, угля абсорбирующего нет.

В следующую аптеку сам пошёл, куда, думаю, таких от-

пускать, ещё нарвутся на неприятность. Оставлял в машине, сам ходил. Одна аптека не работала, в другой не оказалось активированного угля. Наездили они рублей сто пятьдесят. Но, рассчитываясь, сказали:

– Вы по аптекам ездили, ухаживали за нами, романсы подпевали...

Дали двести.

Была ещё одна Томсик, несколько месяцев постоянно два-три раза в неделю ездила. Утром выезжаю с гаража, диспетчер кричит:

– Вызов в Привокзальный. Просят срочно.

Не ближний свет.

– В принципе, – говорю, – могу, но не раньше как через двадцать минут.

Руководитель полётов хватается за меня:

– Никого нет, я их подержу. А ты жми.

Иду на все красные, рву, прилетаю. Это частный дом. По внешнему виду жилым не назовёшь. Кособокие ворота. Снег у калитки девственный, никакой тропинки. Ни дыма из трубы, ни звука. Докладываю диспетчеру: прибыл. Минут пятнадцать ехал, минут пятнадцать стою. Наконец стукнула дверь, калитка открывается, цыганка в бигудях высунулась:

– О, вы уже приехали, сейчас я соберусь.

Я летел, а она ещё причёску не сделала. Минут двадцать стоял у ворот. В тюрьму на свидание ехала. У меня был диск с цыганскими песнями, поставил. Она обрадовалась.

– Меня, – говорит, – Тamarой зовут.

– Томсик, что ли?

– Ну.

Рассчитываясь, похвалила:

– С вами хорошо ездить.

И стала постоянным клиентом. А потом пропала.

С цыганами до конца никогда не знаешь, чем закончится.

Везу жену с оптовки домой, диспетчер ищет, кто бы поехал в Порт-Артур на Марьяновские. На призыв никто не отвечает. Я довёз супругу до дома, высадил, а диспетчер продолжает призывать на Марьяновские машину, минут двадцать долдонит, но никто не хочет ехать. Откликаюсь, диспетчер говорит:

– Они будут ждать.

Приезжаю. Цыгане. На улице сидит на лавочке пацан с обожжённой рукой, рядом полтабора народа. Маленький шавелла кисть руки кипятком обжёт. Мне говорят:

– Надо в БСМП-1 ехать.

– Почему, – спрашиваю, – “скорую” не вызвали?

– Базару нет, – объясняют, – звонили, но “скорая” сказала: брать такси и ехать в БСМП-1 своим ходом.

Нет базару, так нет. Я рассчитывал: мать с ребёнком сядут, и быстренько поедem лечиться. Не тут-то было. У цыган другой подход – вызвали машину, значит, табор должен использовать транспорт по максимуму, гулять так гулять. Мамаша травмированного обозначает маршрут следования. По

пути в БСМП-1 надо завезти этого сюда, того туда... Человек семь в машину втискивается. Двоих высаживаю через сто метров, одного – через двести и так далее...

Подъехали к БСМП-1, цыганка заволновалась:

– Базару нет, куда ты меня привёз? Мне сказали: это возле школы милиции. А мы где?

Чуть не в панике, что я развёл её, завёз не знамо куда.

– Не волнуйся, – отвечаю, – если смотреть с позиции Порт-Артура, мы как раз у школы милиции. На самом деле: больница на одной улице, школа милиции на другой.

Она не понимает.

– Ты меня, базару нет, привёз не туда. Пойдём со мной.

Рассчитываться не хочет. Вынужден идти. Потыкались, нашли ожоговый центр. Она говорит:

– Ты нас подожди, повезёшь обратно.

Денег не даёт.

Думаю: может, распрощаться со ста пятидесяти рублями, не тратить время на бесполезное ожидание, ехать зарабатывать дальше. Но жалко... Постоял, нет цыганских клиентов. Неужели, забеспокоился, через другие двери слиняли? Для очистки совести зашёл в ожоговый центр. Цыганка навстречу:

– Во, базару нет, мы с тобой поедем назад.

А с кем же ещё? Рассказывает по дороге. Сделали перевязку и говорят: с вас четыреста пятьдесят рублей. Она даёт тысячу. Врач хоп купюру и в стол, как в сейф, и смотрит

на неё честными глазами. Типа: чё надо, свободна. То есть, если цыганка, можно кинуть. Медики по повадкам не хуже таксистов стали. Чё бы лоха не подоить. Но не на тех напали: цыганка сдачу вырвала.

Доезжаем мы до Порт-Артура. Она:

– Базару нет, проедь на 11-ю Комсомольскую, там дед помирает, надо проведать.

Доехали, частные дома, она вышла со своим малым. И пропала. Я опять как на иголках. Нет и нет. Изошёлся: неужели развела – огородами слиняла? Выходит, с ней ещё человек шесть. И снова ставится задача: табор «по пути» развезти. Этого туда, того сюда, этих «скажу где»... Машина набилась, чуть не по земле скребём. Развёз. Но расплатилась нормально.

Я понял: они не знают русского языка. Поэтому самая распространённая до крылатости фраза «базару нет». На все случаи. Универсальная. Играй интонацией и дело с концом.

У меня нет случая, чтобы цыгане кидали – не рассчитывались. Но всякий раз с ними не знаешь: чем всё закончится, что у «детей воли» сегодня на уме?

Урыть уroda

Чего только в такси не насмотришься, был цирк – гаишник с женой сотовыми бросались. Гаишник по гражданке, под шафе. Едут, пьют пиво и вопросы решают по продаже квартиры. Из разговора я понял – ему нужно замолить грешки перед шефом. Попросил остановиться у магазина. Сбежал, купил проднабор: литровая бутылка водки, закуска всякая. Презент для шефа. Поехали вручать взятку. Вернулся довольный:

– Взял шефчик, за милую душу взял! Порядок в танковых частях!

Едем назад. Ему на мобилу звонок. Она услышала, что голос в трубке женский.

А пока он ходил к «шефчику», мне втирала – а пьяненькая тоже, – какой у неё муж замечательный и какая она демократичная жена. Любовница мужа – её подруга. Я поддакиваю:

– Нормально, хорошо.

Мол, я за демократию

Подмывало спросить: «Он у вас почётный муж или по нечётным дням? Как делите с подругой?» Но было лень прикалываться, дело под вечер, устал. И вот эта либеральная жена услышала женский голос в трубке мужа, встрепенулась:

– Кто это? Кто это?

Он, чтобы не погореть, начал сугубо официальным голо-

сом вещать в сотовый: «Да. Нет-нет...» Супругу не проведёшь, продолжает дознание:

– Кто это?

Гаишник окончил разговор, и слишком равнодушным тоном:

– Да это деваха Кольки с транспортного. Я к ней никакого отношения не имею.

Эта демократичная жена как заорёт:

– Я тебе, кобель, сейчас яйца оторву! Всех подряд трахашь!

Он на её выпады не отвечает, а просит остановиться у гаражей, якобы по нужде. Сам, надо понимать, по телефону звонил. Да жену тоже не проведёшь, как выяснилось, сама в прокурорский работник. Он подходит, демонстративно замок на ширинке поправляет. Она:

– Сознайся, ты давешней шалаве звонил? Да?

Гаишник пытается всеми силами отмазаться:

– Пойми ты, Колькина девчонка попала в аварию, попросила подъехать. Как Кольке в глаза буду смотреть, если не помогу.

Меняем маршрут. Две иномарки затёрлись на повороте. В одной две девочки сидят. Если сравнивать с женой гаишника, не в её пользу результат. В другой иномарке – два мальчика. Жена тут же вылетает из машины и к девке, что за рулём, ты откуда его знаешь? А та после аварии не в себе, открытым текстом:

– Откуда-откуда, остановил за превышение скорости, и познакомились.

Жена тут же прыгает ко мне в машину:

– Пускай этот кабель остаётся с этой стервой! А мы домой!

Я пытаюсь разрулить ситуацию, взываю к её либерализму с демократизмом:

– Ты говорила такие хорошие слова про мужа, а тут...

Демпфирую скандал...

Он тем временем разворачивает бурную деятельность, вызывает ГИБДД, заряжает своих коллег... Но сам-то чувствует: палёным пахнет. Только с одним грешком разобрался – шефчика умаслил и опять надо проднабор брать. Жена кипит:

– Кобель, одно на уме!

Он крутит хвостом перед ней, у магазина попросил остановиться, выходит оттуда с коньяком, шоколадкой. Она по-прежнему ругается. Он достаёт сотовый суёт жене:

– На! Позвони, убедись! Говорю, Колькина тёлка! Я к ней никакого отношения!

Она хватает трубку:

– Я весь сотовый до дна прозвоню, узнаю, с кем ты болтал!

Он устал убеждать, забирает трубку обратно, давит кнопки, снова подаёт:

– Спроси, спроси Кольку!

А Кольке надоело быть крайним, кто-то с бабами шуры-муры, а на него стрелки переводят за здорово живёшь,

устал быть лжесвидетелем, говорит ей:

– Да пошли вы в пим дырявый! Разбирайтесь сами! Что я вам семейный психолог?

Обманутая жена, недолго думая, мобилой своему гаишнику в башку как звезданёт! Аппарат возьми и сломайся. Дубовый череп оказался. Гаишник первым делом телефон схватил и тырк-тырк по кнопкам, бесполезно – ни звука, ни света. Намертво накрылось средство связи. Гаишник завозмущался:

– Ты сотовый разбила! Как я теперь?!

И что меня поразило – жена резко успокоилась, шарахнула мужа по голове и спустила пар.

– Да и хрен с ним, – спокойно говорит, – не парься! Поменяю у себя на службе, скажу: сломался!

Он бухтит, голову трёт:

– Ты мне сотрясение сделала!

Она уже на прикольной волне:

– Да не бойсь, ты же не сотовый – чё в тебе сотрясать!

Сейчас коньячку врежешь и всё рассосётся!

Часа два возил сладкую парочку. Понравилась оконцовка поездки.

– Сколько? – спрашивает этот половой шкодник.

– Если без простоев, – говорю, – двести пятьдесят.

То есть, чисто по дороге, а ведь стояли у магазинов, торчали минут пятнадцать при аварии. Он конкретно по гаишному:

– Ладно, двести сорок тебе хватит.

Она тоже впряглась:

– Двести тридцать дай.

– Да ладно ты, чё не заработаю что ли!

Дал двести сорок с барского плеча!

Я настолько устал с ними. Более двух часов слушал их семейные разборки, сидел во всём этом. Позвонил диспетчеру.

– Всё, – говорю, – сыт по горло, шабаш, иду домой. Не то разочаруюсь во всём человечестве!

А вот ещё один случай почти по Толстому: все счастливые семьи счастливы одинаково, у несчастливых у каждой свои заморочки... Были у нас в «Темпе» с год постоянные клиенты. По именам ни жену, ни мужа не знаю. Хотя и её, и его не один раз возил. Молодые ребята, лет по тридцать. Ребёнок, девчущечка, годика четыре. Мужика доставлял домой от разных баб – гулял парнишка без передыху. Меня не стеснялся, хотя знал, что жену его вожу. Кстати, без удовольствия. Не знаю почему, ездить за ней не любил, не могу объяснить: что-то отталкивающее в ней было. Мужик, в принципе, нормальный парень. Работал в Москве, судя по всему, неплохо зарабатывал. Вернулся.

В тот день с утра его отвёз на работу, её с ребёнком – в детский сад. В обед летит вызов по адресу её работы. Я как чувствовал – не хотел ехать, не лежала душа. Диспетчер один раз терзает эфир:

– Кто свободен?

Сижу молчком. Второй раз – не отзываюсь. И дёрнуло на третий вякнуть. Поехал в надежде: не она, мало ли работников фирмы.

Встал неподалёку от автобусной остановки. И вижу: муж её смыкает туда-сюда по остановке. Меня увидел, подошёл, здоровается за руку:

– Как дела? Ты к кому?

– Откуда, – говорю, – знаю? Вызвали.

Выходит его жена с подругой. Перед машиной начинаются у супругов разборки. Она садится на заднее сиденье и хлоп – переднюю дверцу зафиксировала защёлкой. Я-то думал: он с нами. Она торопит:

– Поехали быстрее.

Он заднюю дверцу с её стороны рывком на себя, за грудки жену хватает. Как мужика, грубо, резко...

– Я тебе, сука, покажу, как блядовать!

Она вышла:

– Имей совесть, тут моя работа.

– Мне по барабану твоя блядская работа! – специально громко орёт.

Она вырывается, садится на переднее сиденье (я снял с защёлки дверь), подруга по-прежнему на заднем. Он хватается за переднюю дверцу (она опять зафиксировала дверь), руку просунул – стекло наполовину открыто – ломает одну ручку, вторую.

– Выходи по-хорошему! – требует.

Но дверь заблокирована, ручку он сломал, я могу её выпустить только через свое сиденье. Говорю ему:

– Оставь дверь в покое! Не ломай! Она только с моей стороны может выйти!

У неё на лице ссадины, блузка порвана. Он рычит:

– Ещё раз с ним увижу – убью!

Глаза у него бешеные.

Баба, кстати, как крыса, худая, тощая. Вредная, наверное...

Он начинает открывать заднюю дверцу, жена вцепилась и держит не даёт на полную распахнуть. Занимаются перетягиванием каната... А я машиной перегородил проезд, мешаю мужику на «Тойоте» выехать задом, он маячит: освободи проезд. Я этому мавру:

– Закрой дверь, я выпущу мужика.

Центр города, дорога напряжённая. Начинаю маневр, искренне считая, что мавр отпустил дверцу, выруливаю на дорожку. Метров пятнадцать проехал, глядь: он висит на машине и сквозь щель двери пытается достать кулаком свою крысу. Висит и кричит мне:

– Куда, козёл, едешь?

Короче, и я получил порцию дерьма в этом скандале...

Она ему:

– Пидор!

– Ах, я пидор!

И отцепился.

Выясняется после боя: женщины вызвали машину, чтобы съездить в обеденный перерыв в магазин «Пять звезд». У моей клиентки синяки на шее, рваная блузка, битая морда... Не до магазина... Пострадавшая называет адрес дома. Доехали, просит:

– Подождите, пожалуйста.

Минут десять жду. Выходит переодетая и куда вы, думаете, едет с подругой? Правильно: в магазин модной одежды. Экسسсы, разборки, муж морду набил, синяков наставил – всё это ерунда. Я после такого стресса дня два бы водку пил. У них всё нормально.

Такая поездочка, с «козлом» в награду. Хорошо в морду не получил.

Есть у нас в фирме Лёва-чеченец. Сталкиваемся на стоянке у «Атлантиды». У него пластырь на скуле. Двое сели и давай между собой драться. Он им:

– Выходите и бейтесь на улице!

Один повернулся и бутылкой Лёву. Дескать, не лезь под руку. Зашивали...

Приколлов, когда водитель страдает, можно хренову гору навспоминать. Женщина останавливает на СКК, то бишь, у Спортивно-концертного комплекса. Не девочка. Лет сорок.

– До Московки довезёте?

– Почему не довезти.

– Вова, иди, – зовёт.

Дружок её на автобусной остановке сидел, дремал. Под-

ходит Вова – шесть на восемь физиономи и пьяный в дрезину. Она садится сзади, он на переднее сиденье влез. Я стоял в направлении Ленинградского моста. Начинаю разворачиваться, он с матами на подругу:

– Ты какого чёрта взяла это говно «Жигули», я просил «Волгу». Не могла нормальную машину взять.

Капризным оказался Вова.

Про «Волгу» потом ещё одну историю расскажу. Я развернулся, подъехал к другой остановке и говорю:

– Мужик, выходи, поедешь на «Волге».

Он выходит и пинает дверку. И что я сделаю, он в два раза крупнее меня. Ладно, вскользь пинок, только краска от туфля осталась, скипидаром потом оттирал. На ровном месте получилось. А повези дальше этого идиота, может, через пять минут и я бы не понравился ему.

У нас один таксист ночью у «Каскада» стоял, двое подходят:

– Довези за двадцатник до набережной.

Там пешком две минуты. Прекрасно понимаю водилу: чё мараться? Отказал. У одного из этих придурков была бутылка пива, он о лобовое стекло как шарахнет, стекло в трещины. Мужик выскочил, они бросились ему морду бить. Он как-то вырвался, крикнул по рации: «Нужна помощь».

Потом с восхищением рассказывал:

– Не знал, что столько у нас машин!

В пять секунд слетелись водилы и давай волтузить при-

дурков! Отпинали и сдали в милицию...

Ко мне вечером один сел... Первый и последний пока случай, когда хотел клиента сдать в милицию. Неуправляемый дебил. Бугай – три меня. Здоровый, и я понял – мент. По повадкам. Ехал купить шампанского, шоколадку и потом к бабе. Я поначалу не разобрал, что пьяный. Стоит нормальный мужик, а когда сел и поехали, он понёс:

– Давай поломаем твою лайбу!

И как начал по панели кулаком стучать. Того и гляди порушит. Кулак – три мои. Орёт:

– Козлы, блин, гады!

Я ему:

– Выйди по столбу постучи!

Он поворачивается и меня за глотку хватает, я задыхаюсь и не знаю: что делать?

– Ты чё? – хриплю. Он отпустил и хохотать:

– Чё обосрался? Не бойсь, я пошутил.

Я ехал и думал: как бы исхитриться выскочить из машины и позвать на помощь? Звать по рации – придушит, а как действовать? Ситуация... Ему ехать всего ничего, рублей на сто. Прибыли, он выходит и морду тяпкой – не рассчитывается. Я молчу, одно желание: скорей бы избавиться от такого счастья. Он закрывает дверцу, потом рывком распахивает:

– Зассал, что не расплачусь?

Заржал, вытащил из кармана жмень денег и давай сторублёвки в салон кидать. Как сеятель. Две последние купюры на

пол специально бросил. Накидал в четыре раза больше цены...

И вот же наша продажная человеческая сущность. Нашвырял стольников, и у меня никакого осадка на душе. Будто лёгкое недоразумение произошло. Где-то читал: вину заглаживай деньгами. Он загладил. И я не смог выкинуть его паршивые стольники обратно. Машина целая, стольники в салоне валяются – и быстро забылись недавно пережитые страх и унижение.

А потом подумал: как я легко продался! В пять минут.

Часов в семь вечера зимой ко мне по вызову три мужика и женщина на 25-й Линии сели. Впереди разместился крепенький экземпляр, сел и заснул. В отключке. Зато за его спиной мужик без сна, и дурость через край из него прёт. Сначала не нравилось:

– Почему не «Волга»? Тесно!

Раз в месяц на такси проедет, и обязательно «Волгу» такому подавай. Я в шутку:

– Что делать? В следующий раз будет «Волга».

Всю дорогу он дёргался, то сигарет нет – «почему не купи-ли?», то «давайте остановимся и пивка возьмём», то ещё какая-то хрень... Под конец выступлений, демонстрируя тесноту, нагло задницей растолкал всех. Женщина возмутилась:

– Ты что себе позволяешь?

Он на неё:

– Да сиди ты, блин, овца колхозная, молчи, высажу, пой-

дѣшь пешака.

Хотя такси, я понял, она вызывала, и платила она, а он пальцы гнѣт. Дама к другу:

– Коля, почему твои гости хамят?

Коля встрепенулся, глазѣнки продрал, поворачивается:

– Придѣтся извиниться.

Ещё не зная толком, что к чему, кто прав, а кто провинился, женщину стал защищать. Молодец! Джентльмен! На что дѣрганый:

– Я бы извинился, да не за что.

– Ах, не за что! – Коля-джентльмен окончательно проснулся и ко мне: – Ну-ка останови машину.

При этом сотовый мне суѣт:

– Подержи.

Вышли и тут же у машины принялись друг другу морды бить. Дѣрганый норовит ногой в пах другу Коле въехать. Побольней достать. Скачет козлом. Коля кулаками молотит. Не очень точно. Дама – в длинной шубе, меховом берете – самоотверженно выскочила петухов разнимать, третий мужик тоже. Я бы уехал от этой дуроты, но телефон, шмотки в машине. И не где-нибудь встали на битву, в центре: на Жукова, напротив Уралсиббанка. Они ехали на Декабристов, всего-то ничего осталось.

Дама смело встала между раскипятившимися товарищами. Вроде угомонились. Сели, поехали. Через две минуты по новой началось. Дѣрганый разбитую сопатку вытирает (Ко-

ля всё-таки зацепил кулаком), кровянку платком стирает и продолжает гоношиться:

– Да я таких говнюков, как ты, на Черлакском тракте закапывал пачками.

– А я таких уродов давил, давлю и давить буду! – оскандился Коля.

И начал демонстрировать, как он «давил и давит», повернулся к дёрганному, тычет в него кулаком, норовит побольнее попасть. Машина не спортзал, места мало. Без того здоровый, ещё и пуховике. Мне рулить мешает. Об одном думаю: скорей бы довести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.